

«Яндекс», и выяснилось, что «своего» мальчика почти и не было.

Третий тур — неделя пробной учебы, в конце мая. Поступающий учится на общих основаниях, как если бы он уже поступил. Ребенок и родители отвечают себе на вопрос, хотят ли и могут ли они тут учиться, а педагоги — «их» ли это ребенок, смогут ли они с ним работать. Бывает так, что одаренному ребенку такая школа не подходит по стилистике: допустим, ему нужно, чтобы кто-то заставлял его учиться. Здесь не заставляют. «Не бывает просто хорошей школы для всех детей, есть хорошая школа для конкретного ребенка», — объясняет Белинский.

1 сентября на школьном дворе был праздник, на который пришли выпускники прошлого года. Про каждого сказали, куда он поступил. Я, понятное дело, навострила уши. Все — на бюджетные места и в лучшие московские вузы: МФТИ, МИФИ, МГУ, РГТУ, ВШЭ и др. Я расслабилась.

А дальше мы стали учиться.

Это действительно тяжело, но интересно. Спятого класса для каждого ребенка составляют индивидуальный учебный план. Какие-то предметы ребенок будет изучать по углубленной программе, а какие-то — по базовой (как в обычной школе). Углубление — это два варианта: либо больше часов и, соответственно, больше информации, либо более сложная программа за то же время. Скажем, дети из математической группы Якова Абрамсона (в школе их зовут «абрамсончиками») идут по особой авторской программе. Ходят слухи, что это математические гении и что в первом классе они берут интегралы. Это не так: до интегралов дело доходит несколько позже, а вот логическое, геометрическое и математическое мышление Яков Иосифович действительно прививает своим детям с первого класса.

Моя дочь в качестве углублений выбрала химию и латынь. Сейчас они учат «Gaudeamus igitur», до этого читали рассказы из римской жизни. Латиниста в начале урока приветствуют классическим «ave».

К девятому классу дети должны определиться и выбрать один из нескольких профилей: гуманитарный, социально-экономический, физико-математический,

химико-биологический или химико-физический. Это не значит, что если ты, допустим, «гум», то тебе нельзя дополнительно «углублять» математику или химию. Углубляй, если силы позволяют.

А вот силы и время — это вопрос вопросов. Дети учатся как минимум в полтора раза больше, чем в обычных школах. У них другое расписание, и зачастую занятия (еще раз напомним, что у каждого свой план и свой график) заканчиваются вечером. Александра может явиться домой и в семь, и в восемь — а ведь еще уроки на завтра. Мы живем не очень далеко от школы, и она ночует дома, а те дети, кто живет в другом конце Москвы, остаются в школьном интернате и уезжают домой только на выходные. Всех детей: и тех, кто в интернате, и остальных — кормят пять раз в день.

Последние веяния в образовании составляют и школу, и родителей крепко задуматься о будущем. Существование школ для детей с особыми образовательными потребностями под угрозой. Школы обещают сливать, укрупнять и уравнивать в финансировании. Пока что слияние с какой-нибудь обычной соседней школой «Интеллектуалу» вроде бы не грозит, однако и здесь, и в других сильных московских школах эту опасность имеют в виду. Выход педагоги предлагают такой: если уж укрупнять и сливать, то близкие по уровню и стилю жизни сильные школы. «Интеллектуал» и похожие школы создали полуофициальный союз, куда входят, к примеру, «Лига школ», Донская гимназия, 192-я школа и другие. Они готовы и объединять усилия, и сливаться, но между собой. Например, одна из идей — объединить усилия трех-пяти школ в области развития дополнительного образования для любых детей. Посыл такой: если уж объединять, то подобное с подобным. А слияние, скажем, «Интеллектуала» с обычной школой в соседнем дворе — это история из анекдота «что будет, если скрестить ежа с ужом». Три метра корячей проволоки.

Тараканы обо всех этих делах ничего не знают. Урежут финансирование — кто будет кормить их грушей и яблоком? Да и выживут ли они?

